

Номер: №1 за 2005 год

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПРАВА

Масловская Е.В. , Масловский М.В.

Масловская Елена Витальевна - кандидат философских наук, до-цент Межвузовского центра гуманитарного образования при факультете социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603000 Нижний Новгород, Университет-ский пер., д. 7, к. 201. Телефон: (8312) 338-349. Электронная почта: 2122@mail.ru

Масловский Михаил Валентинович - доктор социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Адрес: 603000 Нижний Новгород, Университет-ский пер., д. 7, к. 201. Телефон: (8312) 338-349. Электронная почта: michael@fsn.unn.ru

В работах отечественных юристов, обращавшихся к социологической проблематике, высказывалась точка зрения, согласно которой социология права как отрасль юридической науки уже сложилась и успешно функционирует, тогда как в рамках общей социологии изучение права «остаётся пока на уровне исследовательской сферы или научного направления и не развилось ещё в отдельную социологическую дисциплину» [9, с. 81]. Для подтверждения данного тезиса использовались главным образом ссылки на учебную литературу по общей социологии, где право как социальный институт либо вообще не упоминается, либо рассматривается на основе исследований юристов. В то же время отмечалось, что «в специальных научных трудах наших социологов проблематике социологии права уделено ещё меньше внимания» [9, с. 82]. Применительно к современной отечественной социологии подобная критика во многом оправданна. Характерно, что даже в наиболее масштабном труде, посвящённом истории и современному состоянию российской социологии, есть глава «Социология девиантного поведения и социального контроля» [16, с. 587–609], но отсутствует глава о социологии права. Следует обратить внимание на тот факт, что в исследованиях российских ученых теоретические разработки зарубежной социологии права в настоящее время практически не используются. Между тем в западных социологических теориях изучению правовой сферы нередко отводится значительное место. Назовём ряд проблем социологии права, которые рассматривались в рамках общесоциологической теории: историческая эволюция форм права, взаимоотношения права и других сфер общественной жизни, социальные предпосылки автономии правовой сферы. В теоретической разработке всех этих проблем принимали участие М. Вебер, Т. Парсонс, Н. Луман, П. Бурдьё. Обращение к их идеям представляется необходимым условием любого обсуждения теоретической проблематики социологии

права.

М. Вебер: концепция рационализации права

Проблема рационализации права рассматривалась в трудах М. Вебера и обсуждалась в современной неовеберовской социологии. Понятие рациональности — одно из важнейших в теории Вебера. Этот термин используется в его работах чрезвычайно широко и может относиться к различным сферам общественной жизни. Той или иной степенью рациональности отличаются экономическое поведение, структуры государственного управления, нормы права.

В экономической сфере рациональность связана главным образом с возможностью точного расчета, калькуляции. Так, формально-рациональная капиталистическая экономика основывается на чисто количественном исчислении и не принимает во внимание какие-либо неэкономические ценности. Рациональность определенной сферы человеческой деятельности характеризуется также и тем, насколько эта деятельность подчинена четко сформулированным правилам. Рассматривая современную рациональную бюрократию, Вебер подчеркивал, что она действует в соответствии с формальными правилами и использует в процессе управления специальные знания. Кроме того, понятие рациональности может подразумевать логическую стройность, последовательность, систематизацию каких-либо знаний. В этом смысле рациональность присутствует в религиозных учениях, научных теориях, правовых документах.

Одной из основных тенденций современного ему общества Вебер считал распространение рациональных форм социального действия и социальной организации, достигших наивысшего развития в странах Запада. Он стремился раскрыть исторические причины, обусловившие своеобразие рациональной западной культуры, понять, почему именно на Западе возникли культурные явления, получившие впоследствии универсальное значение. Вместе с тем Вебер указывал, что «во всех культурах существовали самые различные рационализации в самых различных жизненных сферах» [6, с. 55].

Социологии права посвящена отдельная глава в основном веберовском труде «Хозяйство и общество». Автор анализирует исторические формы права, которые образуют определенную последовательность, сменяя друг друга в ходе развития западных обществ. Согласно Веберу, как правотворчество, так и правоприменение могут быть рациональными либо иррациональными. Они являются формально иррациональными в том случае, когда «используются средства, которые не могут контролироваться интеллектом, например обращение к оракулам и им подобным. С другой стороны, правотворчество и правоприменение являются материально иррациональными в той степени, в какой решение принимается под влиянием обстоятельств частного случая, оцениваемых с точки зрения этических, эмоциональных или политических позиций, а не на основе общих норм» [28, р. 656]. Формально рациональным является, по Веберу, такое право, которое принимает во внимание лишь «недвусмысленные и общие характеристики ряда фактов», а материально рациональным — право, которое опирается исключительно на общие нормы [27, р. 91]. В ходе рационализации права происходит обобщение и систематизация правового материала. Обобщение приводит к выведению ряда общих принципов, в соответствии с которыми оцениваются конкретные факты. Систематизация означает «объединение всех аналитически выведенных правовых положений таким образом, что они образуют

логически ясную, внутренне последовательную и — по крайней мере в теории — не имеющую пробелов систему правил» [28, р. 656].

Такая систематизация постепенно становится делом получивших специальное образование юристов. При этом развитие правовой мысли может происходить в двух направлениях: эмпирическом и индуктивном либо теоретическом и дедуктивном. Примером первого служит английская правовая традиция, второго — римское право и правовая традиция в странах континентальной Европы.

В веберовских трудах рационализация рассматривается как правовая процедура и как основание права. Согласно Веберу, «примитивный» судебный процесс в условиях традиционного господства имел «строго формальный характер», хотя основания для вынесения судебных решений были совершенно иррациональными. Не существовало каких-то объективных правовых норм. Исход дела решался обращением к «магическим силам», как правило, через посредство оракула. Но сама процедура такого обращения была крайне формализованной. Малейшее нарушение установленных ритуалов одной из сторон судебного процесса могло означать для нее проигрыш [28, р. 761]. Формальный характер современной судебной процедуры определяется тем, что правовая аргументация рациональна, поскольку «осуществляется абстрактным и логическим путем и допускает использование лишь тех средств, которые могут контролироваться интеллектом» [27, р. 95].

В отличие от формальной рационализации права, понятие материальной рационализации относится к развитию не правовой процедуры, а правовых норм. Вебер указывает, что на «примитивной» стадии отсутствует понятие объективной нормы. Всякий судебный приговор выступает как конкретное решение, не поддающееся обобщению. Формирование общих норм становится возможным после того, как «правовое откровение» оказывается закрепленным в традиции.

Традиционное господство любые правовые нормы расценивает как данные, а не введенные или намеренно созданные. При этом традиционное право представляет собой прежде всего набор законодательно оформленных привилегий представителей определенных социальных групп. С точки зрения Вебера, в рамках традиционного права не возникает понятия «универсально применимых норм» [28, р. 698]. Выработка этого понятия стала исторической задачей естественного права, которое первоначально «скорее дополняет, а не заменяет собой традиционное право» [27, р. 99]. Естественное право постулирует возможность выведения правовых норм логическим путем из определенных принципов. Но сами эти принципы рассматриваются как данные и не подлежат пересмотру. Напротив, законы должны соответствовать таким принципам, не являющимся юридическими по своим основаниям.

Дальнейшая рационализация связана с развитием концепции позитивного права. Как отмечает В. Шлюхтер, «философски ориентированная логика естественного права трансформируется в юридически ориентированную логику позитивного права» [27, р. 98]. Доктрина позитивного права, наиболее последовательно разработанная Г. Кельзенем, обосновывает автономию правового порядка по отношению к религии, морали и любым другим сферам. В результате рационализации «все право считается введенным и тем самым допускающим изменения. Его основанием становятся не метаюридические, а юридические принципы. Последние имеют лишь гипотетический характер, а это указывает на то, что право стало автономным, хотя и не полностью свободным от внешних воздействий» [27, р. 99].

В трудах Вебера характеризуются взаимоотношения права и других сфер общественной жизни, в том числе экономики и политики. Говоря о соотношении права и экономики, Вебер отмечает значительную степень автономии правовой сферы. Он пишет в этой связи: «Экономические ситуации не приводят автоматически к возникновению новых правовых форм, они лишь создают возможность распространения уже существующих правовых технологий» [28, р. 687].

Основное внимание Вебер уделяет правовым предпосылкам формирования современного промышленного капитализма. Важнейшим условием здесь выступает система рационального бюрократического управления с четко установленными правовыми нормами. Промышленный капитализм должен иметь возможность рассчитывать на постоянство, надежность, объективность правового порядка и на рациональное, предсказуемое функционирование административных учреждений. С точки зрения немецкого социолога, «современный рациональный промышленный капитализм в такой же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил» [6, с. 54].

Как отмечает Вебер, рациональное право европейских государств берет свое начало от римского права. Однако он не придерживается точки зрения, согласно которой принятие римского права было причиной возникновения капитализма. Как показывает пример Англии, рецепция римского права не являлась необходимым условием успешного развития капиталистического хозяйства. Кроме того, многие экономические институты современного общества впервые возникли в период Средневековья, а не Античности. По мнению Вебера, важнейшим следствием принятия римского права в странах Западной Европы было то, что оно способствовало распространению формально-юридического мышления. В конечном счете «союз между государством и формальной юриспруденцией косвенно содействовал развитию капитализма» [7, с. 310].

Взаимосвязь права и политических структур определяется тем, что существование права зависит от наличия аппарата принуждения. Как подчеркивает Вебер, право представляет собой порядок, который «внешне гарантирован возможностью (морального или физического) принуждения, осуществляемого особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы» [6, с. 640].

Примером воздействия политических институтов на правовую систему служит для Вебера, в частности, становление западноевропейских абсолютных монархий. В период абсолютизма политическая централизация способствует систематизации и унификации правовых норм на территории данного государства. В этой связи Вебер также сопоставляет историю правовых институтов в Англии и континентальной Европе. Если английская правовая система формировалась в условиях постепенного ослабления монархической власти, то в других европейских странах влияние королевского абсолютизма на сферу правовых отношений неуклонно росло [28, р. 724].

Характеризуя своеобразие западных политических институтов, Вебер указывает, что в странах Запада в роли высших государственных чиновников и политических советников монархов, начиная с позднего Средневековья, выступают главным образом получившие университетское образование юристы. Именно этот слой во многом определил своеобразие западной политической истории. В европейских монархиях «носителем тенденции к рациональному государству повсюду являлся квалифицированный юрист»

[6, с. 664]. Согласно Веберу, легальный тип господства впервые возникает на Западе с победой «формалистического юридического рационализма» [5, с. 71].

Однако, как указывают ряд исследователей, Вебер не осуществил подробного анализа правовых систем незападных обществ, в том числе Индии и Китая. Примеры из истории этих систем использовались им главным образом как иллюстративные. Поэтому необходимо различать общую социологию права Вебера и его социологию западного права, разработанную более детально и последовательно [17, р. 231]. Но в целом, как признают многие зарубежные ученые, значение веберовских идей для развития социологии права исключительно велико [19, р. 148-149].

В современной российской социологии рассматривались лишь отдельные аспекты правовой теории Вебера [13, с. 80–90]. Следует отметить, что и в публикациях отечественных юристов веберовской социологии права не уделялось существенного внимания. Например, В.В. Лапаева характеризует веберовскую концепцию капитализма и типологию господства с точки зрения их значения для социологии права, но собственно социально-правовой теории Вебера при этом не упоминает [10, с. 99–105]. Не удивительно, что тот же автор выдвигает тезис об отсутствии в работах классиков социологии, включая Вебера, «теоретически разработанной концепции социологии права в качестве отдельной отрасли общей социологии» [10, с. 3].

Т. Парсонс и Н. Луман: социальная дифференциация и автономия правовой системы
Наиболее влиятельное теоретическое направление в западной социологии 1950–1960-х годов — структурный функционализм Т. Парсонса. В рамках направления сложился своеобразный подход к анализу правовых институтов. С точки зрения Парсонса, эволюция общества сопровождается процессом структурной дифференциации. В социальной системе постепенно формируются подсистемы, специализирующиеся на исполнении определенных функций. В их числе Парсонс выделяет социетальное сообщество как подсистему общества, обеспечивающую его целостность и интеграцию. Возникающая в рамках социетального сообщества генерализованная правовая система разрушает все традиционно сложившиеся статусы и обеспечивает универсальную систему прав и обязанностей, что составляет «наиболее важную отличительную черту современного общества» [26, р. 353]. В ряде работ Парсонс рассматривает взаимодействие социетального сообщества с другими подсистемами, в том числе политической и экономической.

Парсонс прослеживает историческое развитие правовых институтов, особо отмечая влияние институционального наследия Римской империи на формирование западной правовой традиции. С его точки зрения, решающим отличием римского права от предшествующих правовых систем было развитие определенных элементов формальной рациональности, сопровождавшееся дифференциацией права и религии [26, р. 351-352]. В данном случае Парсонс опирается на положения веберовской социологии права.

Римское право послужило точкой отсчета для дальнейших изменений в правовой сфере. Как пишет Парсонс, средневековая католическая церковь «приспособила значительную часть римского права в виде канонического закона для регулирования своих собственных дел и создала внутри клира специальный разряд юридических экспертов. Возможно даже, что “бюрократизация” средневековой церкви имела меньшее значение, чем ее упорядочение средствами универсалистской правовой системы» [14, с. 54].

Парсонс обращается также к роли права в истории английского общества. Он пишет, что

к концу XVII века Англия стала «самым высокодифференцированным обществом в европейской системе» [14, с. 93]. В числе особенностей английского права он называет независимость судебной власти от короны, узкокорпоративный характер юридической профессии, а также акцент на юридическом оформлении частных прав и интересов [14, с. 87]. Согласно Парсонсу, английские нововведения в области права в значительной степени способствовали отделению государства от социетального сообщества. Дифференциация этого сообщества от религиозных объединений и государства получила выражение в свободе вероисповедания и политическом плюрализме. Как указывает Парсонс, правовая система выступала в качестве основного механизма, регулирующего отношения между этими элементами социальной системы [14, с. 95]. Автономия права, характерная для западных обществ, возникла в результате функциональной специализации и выделения социетальных норм в качестве отдельного элемента нормативной структуры. С точки зрения Парсонса, формирование правовой «интегрированной системы универсалистских норм» [26, р. 351], относительно независимой от религиозной и политической сфер, явилось важнейшим этапом социальной эволюции. Он писал: «Хотя многие элементы генерализованного правового порядка возникли в довольно развитой форме в более ранних обществах, на мой взгляд, их кристаллизация в целостную систему представляла собой совершенно новый шаг, который даже в большей степени, чем промышленная революция, обозначил наступление современной эры социальной эволюции» [26, р. 351].

В 1980-е годы в западной социологии происходит определенное возрождение интереса к теории Парсонса и формируется неофункционализм как теоретическое направление. В современном неофункционализме можно выделить две основных ветви: американскую, во главе с Дж. Александером, и немецкую, возглавляемую Н. Луманом. В работах последователей американской версии неофункционализма обсуждались многообразные проблемы социальных изменений, социологии культуры, социологии политики. При этом правовой сфере, как правило, уделялось не столь пристальное внимание, хотя в публикациях Дж. Александра данная проблематика затрагивалась в связи с анализом концепции гражданского общества.

Большее значение вопросы социологии права имеют в теории Н. Лумана. Социально-правовая теория Лумана рассматривалась в российской социологической и философской литературе [15, с. 120–126] и в работах отечественных правоведов [10, с. 123–139]. Однако при этом, как правило, не предпринималось попыток критического анализа лумановских идей.

В отличие от Парсонса, Луман не опирается на классическую традицию в социологии, подчеркивает отличие своего подхода от «староевропейского мышления». По его мнению, для преобразования социологической теории необходимо перенести в нее понятия, возникшие в других научных дисциплинах — общей теории систем, кибернетике, биологии. В частности, большое значение для Лумана имеет отношение «система — окружающий мир». Центральный пункт его теории — различение системы и окружающей среды. По Луману, простейший элемент социальной системы — это коммуникация. Общество образуют коммуникации, а не социальные действия или социальные роли: «...не действие, а коммуникация является неразложимой (элементарной) социальной операцией, и к тому же, именно той операцией, которая неизбежно включается всегда, когда образуются социальные ситуации» [12, с. 116]. С точки зрения Лумана, коммуникативная система полностью закрыта, поскольку

компоненты, из которых она состоит, воспроизводятся через коммуникацию. В этом смысле коммуникативная система является аутопойетической, то есть ее элементарные части производятся самой системой. На уровне собственных операций системы у нее нет каких-либо контактов с окружающей средой.

По мнению Лумана, социальная эволюция прежде всего характеризуется усилением дифференциации общества. Он проводит различие между сегментарной и несегментарной дифференциацией. Если сегментарная дифференциация означает разделение общества на элементы, выполняющие идентичные функции, то несегментарная предполагает выделение элементов с различными функциями. В свою очередь, несегментарная дифференциация может быть иерархической или функциональной. В первом случае элементы социальной системы стратифицированы, а во втором — между ними устанавливается функциональная взаимозависимость. В своей эволюции человеческое общество последовательно проходит этапы сегментарной, иерархической и функциональной дифференциации. В современном обществе в целом преобладает функциональная дифференциация, хотя сохраняются и определенные элементы предшествующих двух типов. Согласно Луману, в обществах, организованных по принципу иерархической дифференциации, не существует автономной правовой системы. На сферу права в таких обществах определяющее влияние оказывает политическая система.

Лишь в условиях функциональной дифференциации политика, экономика, право, наука выделяются в качестве самореферентных систем, каждая из которых развивается в соответствии с собственной логикой. Луман стремится продемонстрировать, что каждая из подсистем функционально дифференцированного общества «участвует в социальной коммуникации, но тем не менее находит собственный способ формирования элементов, у которого нет эквивалента в окружающей среде» [22, р. 19].

Правовая коммуникация существенно отличается от коммуникации в экономической или политической сфере, поскольку система права обладает собственным критерием выделения того, что является предметом коммуникации. В качестве такого критерия выступает бинарный код «правовое / неправовое». По мнению Лумана, система права лишь наблюдает другие подсистемы общества. При этом право является «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой» [22, р. 20]. Хотя система права может реагировать на воздействие экономической или политической систем, такое воздействие переосмысливается в ее собственных категориях. Экономика и политика, являющиеся для системы права частью ее внешней среды, не могут определять содержание правовой коммуникации.

Предложенная Луманом социологическая теория права оценивалась западными исследователями довольно неоднозначно. С одной стороны, его идеи были с готовностью подхвачены некоторыми правоведами и социологами. С другой стороны, подход Лумана критиковали, в том числе и представители других направлений системной теории. Как отмечает Р. Мюнх, «Луман склоняется к тому, чтобы рассматривать общество с точки зрения теоретика права. Для него право является основополагающей структурой общества, а позитивное право — основополагающей структурой современного общества. В силу этого общая социологическая теория Лумана ограничена специфическими проблемами и подходами правовой теории» [23, р. 1222]. Кроме того, по мнению Мюнха, теория Лумана не дает объяснения исторического развития права [23, р. 1223].

Британский ученый Р. Коттерел указывает, что аутопойетическая теория права может характеризоваться исключительно как эвристическое средство, но не как основа для эмпирических исследований. С его точки зрения, данная теория игнорирует «социальные силы и интересы, которые получают отражение в правовых институтах и процессах» [19, р. 68]. Право не может изолировать себя от научной, культурной, политической сфер. Попытки такой самоизоляции приводят к негативным последствиям, когда правовая система оказывается вынужденной взаимодействовать с другими социальными сферами. Примером этого может служить обращение к экспертному научному знанию в ходе судебного процесса [19, р. 301].

Попытки использовать теорию Лумана применительно к правовым системам современных развивающихся государств демонстрируют, что эти системы явно не обладают реальной автономией [24, р. 242-243]. Луман признает, что в развивающихся странах, которые стремятся приспособиться к современному состоянию мирового общества «через политически форсированную индустриализацию», возникает жесткая дифференциация по принципу включения/исключения «с соответствующим обнищанием широких слоев населения, а государство становится механизмом поддержания этой дифференциации». В таких условиях «широкие круги населения не включаются в систему права, так что не утверждается (или утверждается очень ограниченно) код «правовое/неправовое», присущий правовой системе» [11, с. 177]. В этой связи заслуживает отдельного обсуждения вопрос о применимости теории Лумана для анализа правовых институтов российского общества.

П. Бурдьё: специфика юридического поля

Социологическая теория Пьера Бурдьё оказала существенное влияние на развитие французской социологии права в 1980–1990-е годы. В этот период во Франции сложилось новое теоретическое направление в социально-правовых исследованиях, опиравшееся на его идеи [25, р. 269]. В российской социологии эта сторона научного наследия Бурдьё обсуждалась явно недостаточно: упоминалась лишь его концепция символического насилия [1, с. 152–153].

В большинстве работ Бурдьё так или иначе выделяются социальные условия, обеспечивающие воспроизводство классовых различий. В этом отношении существует определенная преемственность с марксистской традицией, на что указывали некоторые комментаторы и критики. Тем не менее, Бурдьё во многом отходит от марксизма, в особенности его структуралистского варианта. Это выражается в том, что в социологической концепции Бурдьё центральную роль играют исследования сферы культуры. Кроме того, в его работах повышенное внимание уделяется анализу отношений власти, которые также не могут быть сведены к экономическим структурам. Проблематика социологии права рассматривается Бурдьё с позиций его общесоциологической теории. Одним из основных в этой теории выступает понятие поля, которое подразумевает сеть отношений между различными позициями в социальном пространстве. Эти позиции могут занимать отдельные индивиды или социальные группы; все они ограничены в своих действиях структурой поля. Социальное пространство включает поля экономики, политики, права, науки, искусства и ряд других. Каждое из этих полей сохраняет определенную автономию.

Структура того или иного поля предоставляет индивидам лишь ограниченный набор возможных способов действия. В то же время позиция, занимаемая агентом в социальном пространстве, побуждает его действовать в соответствии с определенными

образцами поведения. Те, кто занимает господствующее положение в данном поле, стремятся сохранить существующий порядок вещей. В отличие от этого представители непривилегированных социальных групп пытаются изменить в свою пользу сложившееся распределение власти и иных ресурсов. В целом Бурдье характеризует каждое поле как арену борьбы. Обладатели различных социальных позиций стремятся индивидуально или коллективно упрочить свое положение либо изменить его. При этом они используют соответствующую форму капитала.

Позиции людей в социальном пространстве определяются размерами капитала, которым они обладают. Бурдье выделяет три основных формы капитала: экономический, культурный и социальный. Кроме того, Бурдье говорит о символическом капитале, служащем показателем социального престижа. В качестве символического капитала может выступать любой тип капитала, использование которого влияет на восприятие его обладателя другими людьми. В конечном итоге положение индивида или группы в социальном пространстве зависит от общего объема и структуры находящегося в их распоряжении капитала [4, с. 57–58].

В ряде работ Бурдье рассматривает эволюцию институтов государственной власти. Перефразируя М. Вебера, он отмечает, что государство «претендует на монополию легитимного использования физического и символического насилия на определенной территории» [2, с. 133–134]. Государство сосредотачивает в своих руках разные виды капитала: средства физического принуждения, экономический, культурный, символический капитал. «Концентрация вооруженных сил и финансовых ресурсов, необходимых для их содержания, — пишет Бурдье, — сопровождается концентрацией символического капитала признания, легитимности» [2, с. 139]. При описании процессов концентрации государством средств физического принуждения и экономических ресурсов Бурдье опирается на идеи М. Вебера и Н. Элиаса, но в анализе культурного (информационного) и символического капитала он выходит за рамки классических теорий.

Бурдье выделяет юридический капитал как особую разновидность символического капитала — его объективированную, кодифицированную форму. Концентрация юридического капитала следует своей собственной логике, отличной от логики концентрации других форм капитала. В ходе формирования западноевропейских абсолютных монархий королевская власть, опирающаяся на «специфические интересы юристов», ограничивает феодальную и церковную юрисдикцию. «Процесс концентрации юридического капитала сопровождается процессом дифференциации, который завершается становлением автономного юридического поля» [2, с. 146]. Формирование юридического поля Бурдье рассматривает в широком социальном контексте. Он отмечает в этой связи: «Нужно найти место авторов в нарождающемся юридическом поле, а также в более широком пространстве, поскольку их позиция относительно других юристов и центральной власти может лежать в основании их теоретической конструкции» [3, с. 169].

Обращаясь к современному состоянию юридического поля, Бурдье прежде всего подвергает критике два противоположных подхода к его анализу: формализм и инструментализм. Первый из этих подходов представлен главным образом в юридической литературе. С точки зрения формализма, право — это закрытая автономная система, обладающая собственной внутренней динамикой и полностью свободная от каких-либо внешних воздействий. Такая позиция получила наиболее

последовательное выражение в правовой теории Г. Кельзена. Системную теорию Н. Лумана Бурдье также считает разновидностью формализма [18, р. 816]. В рамках инструменталистского подхода, характерного для некоторых направлений социологии, право рассматривается как орудие господства правящего класса, хотя и допускается относительная автономия правовых институтов. Такую точку зрения высказывали последователи марксизма, в частности Л. Альтюссер [18, р. 814-815].

Как полагает Бурдье, понятие юридического поля позволяет преодолеть противоположность формалистского и инструменталистского подходов. На функционирование юридического поля влияют, по его мнению, два основных фактора: отношения власти, определяющие структуру поля, и внутренняя логика развития права. Юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в «общественно признанной способности интерпретировать корпус текстов, санкционирующих легитимное видение социального мира» [18, р. 817].

В рамках юридического поля складывается специфическое разделение труда. Прежде всего существует различие между «теоретиками», занятыми исключительно разработкой правовой доктрины, и «практиками», ориентированными на непосредственное применение правовых норм. К первой группе относятся, в частности, профессора юридических факультетов, ко второй — судьи, которые, однако же, в определенных случаях участвуют в правотворчестве. Представители этих двух групп должны учитывать точку зрения других категорий юристов, действующих в интересах своих клиентов. В конечном итоге, «практическое значение закона определяется лишь в столкновении между различными корпорациями (например, судьи и адвокаты) с несхожими интересами. Эти корпорации, в свою очередь, разделены на разные группы с несовпадающими (иногда противоположными) интересами, зависящими от их положения в иерархической структуре корпорации, которое всегда довольно точно соответствует положению их клиентов в социальной иерархии» [18, р. 821-822].

С одной стороны, Бурдье подчеркивает противоречия, возникающие между обладателями различных форм юридического капитала. С другой, — он отмечает сходство в социальном положении и взглядах обладателей юридического капитала и носителей политической и экономической власти. Как полагает Бурдье, «выбор между различающимися или антагонистическими интересами, ценностями и мировоззрениями, который постоянно делается в правовой сфере, едва ли будет сделан не в пользу господствующих сил» [18, р. 842].

Бурдье не разделяет характерной для последователей марксизма уверенности, что в условиях капиталистического общества вся правовая система действует в интересах правящего класса. Однако он обращает внимание на близость высшего слоя судебной иерархии к господствующим группам. Так, Бурдье указывает на близость судейского корпуса к правящему классу. Вместе с тем юристы, основные клиенты которых — представители низших слоев, не имеют значительного влияния в рамках юридического поля.

Осуществленное Бурдье исследование показывает, что правовая система не является полностью автономной. Юридическое поле, играющее ключевую роль в воспроизводстве классовых отношений, менее автономно, чем, например, поля литературы или науки: «Внешние изменения более непосредственно отражаются в юридическом поле, а

внутренние конфликты в этом поле в большей степени определяются влиянием внешних сил» [18, р. 850]. Критический анализ существующей правовой системы возможен лишь с позиций, находящихся за пределами юридического поля: в научном или политическом полях [18, р. 851]. Социология может внести существенный вклад в такого рода критический анализ.

Заключение

Теоретические основы социологии права как раздела общей социологии заложены в трудах М. Вебера, которые повлияли на целый ряд последующих теорий, включая функционализм Т. Парсонса. Социально-правовая теория Вебера во многом сохраняет свое значение для современной науки, но наибольший интерес его концепция рационализации права представляет для сравнительно-исторических исследований. Социологический анализ современных правовых систем, по-видимому, может лишь отчасти опираться на идеи Вебера.

Среди классиков западной теоретической социологии, наряду с М. Вебером, существенное внимание правовой проблематике уделял Э. Дюркгейм. В отечественной литературе указывалось на актуальность правовых идей Дюркгейма для современной социальной науки [8]. Безусловно, требуют дальнейшего изучения труды представителей российской традиции в социологии права: Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина, Ж. Гурвича. Зарубежные исследователи также отмечали недостаточное внимание со стороны социологов, в частности, к работам Гурвича и Петражицкого [20, р. 635].

Рассматривая современные социально-правовые теории, нельзя оставить без внимания идеи М. Фуко и Ю. Хабермаса, которые оказали воздействие на целый ряд социальных и гуманитарных дисциплин. Работы Фуко повлияли на некоторые новейшие исследования в области социологии права [20, р. 637]. Правовая теория Хабермаса также широко обсуждалась в зарубежной литературе [21]. В числе направлений западной социологии второй половины XX века, повлиявших на изучение правовой сферы, следует назвать и микросоциологические подходы. Например, использование исследовательских процедур этнометодологии позволяет скорректировать преимущественно позитивистский взгляд на правовые явления, характерный для представителей юриспруденции.

Одним из наиболее влиятельных теоретических подходов в современной социологии права является системная теория Н. Лумана. Однако она сталкивается с определенными трудностями при обращении к эмпирическим фактам, в особенности относящимся к функционированию правовых систем в незападных обществах. Кроме того, вызывает сомнения характерный для этой теории резкий разрыв с классической социологической традицией. В качестве альтернативы системному подходу в социально-правовой теории может рассматриваться концепция П. Бурдьё. Представленный в его работах анализ юридического поля не получил такого же широкого признания за пределами Франции, как ряд других исследований этого социолога. Тем не менее идеи Бурдьё, как и классические теории, могут оказать существенное влияние на дальнейшее развитие социологии права.

Литература

- Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001.
- Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и

политика: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 1999. С. 125–166.

- Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 141–176.
- Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001.
- Гофман А.Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 84–107.
- Лапаева В.В. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. 2000. № 4. С. 81–90.
- Лапаева В.В. Социология права. М.: Норма, 2004.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос», 2004.
- Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.
- Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Посконина О.В. Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1997.
- Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
- Berman H., Reid Ch. Max Weber as legal historian // The Cambridge companion to Weber / Ed. by S. Turner. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 223-239.
- Bourdieu P. The force of law: Towards a sociology of the juridical field // The Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38. No. 4. P. 814-853.
- Cotterrell R. The sociology of law: An introduction. 2nd ed. London: Butterworths, 1992.
- Cotterrell R. Subverting orthodoxy, making law central: A view of sociolegal studies // Journal of Law and Society. 2002. Vol. 29. No. 4. P. 632-644.
- Habermas, modernity and law / Ed. by M. Deflem. London: SAGE Publications, 1996.
- Luhmann N. The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. Berlin: De Gruyter, 1988. P. 12-35.
- Muench R. Review essay: The law in terms of the systems theory // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 92. № 5. P. 1121-1123.
- Neves M. From the autopoiesis to the autopoiesis of law // Journal of Law and Society. 2001. Vol. 28. No. 2. P. 242-264.
- Noreau P., Arnaud A.-J. The sociology of law in France: Trends and paradigms // Journal of Law and Society. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 257-283.
- Parsons T. Evolutionary universals in society // American Sociological Review. 1964. Vol. 29. No. 3. P. 339-357.
- Schluchter W. The rise of western rationalism: Max Weber's developmental history. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978.

